

УДК 321.011.327

https://doi.org/10.33619/2414-2948/101/60

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

©Салыбекова Т. С., Кыргызский национальный университет
им. Жусупа Баласагына, г. Бишкек, Кыргызстан

INTERNATIONAL LEGAL BASES OF CRIMINAL LIABILITY OF LEGAL ENTITIES IN THE LEGISLATION OF THE KYRGYZ REPUBLIC

©Salybekova T., Kyrgyz National University
named after Zhusup Balasagyn, Bishkek, Kyrgyzstan

Аннотация. Рассмотрено содержание международных правовых документов регламентирующих имплементацию норм института уголовной ответственности юридических лиц в национальное законодательство стран участников, на примере уголовного законодательства Кыргызской Республики 2017 года. Представлены результаты тщательного анализа основных положений международных нормативных актов и теоретических концепций уголовной ответственности юридического лица, рассмотрены точки зрения ведущих ученых уголовного права и уголовно-процессуального права о существующих и перспективных направлениях развития института уголовной ответственности юридических лиц в Кыргызстане и других странах. В Кыргызской Республике с 1 декабря 2021 года действует новое уголовное законодательство, сменившее вошедшие в действие 2019 году кодексы, принятые в 2017 году в рамках уголовно-правовой реформы, вследствие того что у правоохранительных органов и судей стали возникать определенные трудности из-за коллизий и противоречий теории с практикой.

Abstract. In this scientific article, the author reveals the content of international legal documents regulating the implementation of the norms of the institute of criminal liability of legal entities in the national legislation of the participating countries, using the example of the criminal legislation of the Kyrgyz Republic in 2017. The article presents the results of a thorough analysis of the main provisions of international normative acts and theoretical concepts of criminal liability of a legal entity, examines the points of view of leading scientists of criminal law and criminal procedure law on existing and promising areas of development of the institute of criminal liability of legal entities in Kyrgyzstan and other countries. Since December 1, 2021, new criminal legislation has been in force in the Kyrgyz Republic, replacing the codes that entered into force in 2019, adopted in 2017 as part of the criminal law reform, due to the fact that law enforcement agencies and judges began to experience certain difficulties due to collisions and contradictions between theory and practice.

Ключевые слова: имплементация, уголовное законодательство, конфискация, ликвидация, санкции.

Keywords: implementation, criminal law, confiscation, liquidation, sanctions.

В Кыргызской Республике с 1 декабря 2021 года действует новое уголовное законодательство, сменившее вошедшие в действие 2019 году кодексы, принятые в 2017 году

в рамках уголовно-правовой реформы, вследствие того что у правоохранительных органов и судей стали возникать определенные трудности из-за коллизий и противоречий теории с практикой. Для того чтобы устранить пробелы за два года (2019–2020 гг) Жогорку Кенеш внес 285 изменений и дополнений в кодексы и принял 20 законов о поправках. Не смотря на это, количество жалоб населения при расследовании и несправедливые судебные решения, продолжало увеличиваться (1).

Следствием таких изменений стало также и то, что в новых Уголовном и Уголовно-процессуальном кодексах редакции 2021 года были исключены нормы регламентирующие уголовную ответственность юридических лиц в виде принудительных мер уголовно-правового воздействия, вошедшие редакцией 2017 года. Генеральная прокуратура Кыргызской Республики, инициировавшая новые проекты, объясняет это трудностью привлечения юридических лиц за преступления, совершенные их сотрудниками.

«К примеру, при выявлении нарушения правил охраны и использования недр на производственном предприятии, произошедшего из-за ненадлежащего исполнения своих обязанностей ответственными должностными лицами, наряду с конкретными физическим лицами, необходимо применять меры и в отношении юридических лиц, которые могут быть ликвидированы, а их имущество конфисковано. При этом, права владельцев или соучредителей предприятия, в том числе право на неприкосновенность частной собственности, не принимается во внимание» – отмечено в справке-обосновании (2).

Таким образом, в силу приведенных выше обстоятельств, перед научным юридическим сообществом Кыргызстана вновь встали вопросы, требующие научного анализа и осмысления по поводу института уголовной ответственности юридических лиц, введение которого в уголовное законодательство страны в 2017 г было воспринято как новелла, прогрессивное нововведение «ноу-хау» (3).

Необходимо при этом отметить, что важными предпосылками введения института уголовной ответственности юридических лиц в законодательство 2017 года явились международные обязательства Кыргызской Республики по их имплементации в национальное внутреннее право. Указанное обстоятельство несомненно обуславливает в настоящее время актуальность исследования международно-правовых основ уголовной ответственности юридических лиц.

Изучение международно-правовых нормативных актов, регламентирующих положения, связанные с необходимостью привлечения к уголовной ответственности юридических лиц, проводятся учеными давно, в том числе и юристами Кыргызстана, среди которых можно выделить А. К. Кулбаева, Г. Р. Маматкеримову, Н. Н. Сулайманову, Л. Ч. Сыдыкову, К. М. Сманалиева, и многих других. Как отмечает профессор Сулайманова Н.Н., «если раньше международные акты ограничивались в основном общими призывами и рекомендациями, то в последние годы они все чаще закрепляют обязательства государств по установлению и применению уголовной ответственности за наиболее опасные преступления экологической, экономической и коррупционной направленности, а также за те деяния (например, терроризм, экстремизм, организованная преступность), которые угрожают безопасности не только отдельных государств, но и мирового сообщества в целом» [1].

Опыт применения института уголовной ответственности юридических лиц в зарубежных странах показал, что он необходим в тех преступлениях, в которых последствия общественно опасных деяний отдельных лиц являются не столь значительными в сравнении с тем вредом и уроном, которые наносит преступная деятельность юридического лица.

В Кыргызской Республике на протяжении многих лет проходили дискуссии по вопросам имплементации положений международных Конвенций об установлении

уголовной ответственности юридических лиц за преступления. Таким образом, ко дню принятия Уголовного и Уголовно-процессуального Кодексов 2017 года, вопрос состоял уже не в том, нужна ли ответственность юридических лиц за преступления, указанные в ратифицированных Кыргызской Республикой Конвенциях, а в том каким образом это будет закреплено в нашем национальном законодательстве (1).

Результатом тщательного анализа международных правовых актов, регламентирующих уголовную ответственность юридических лиц, и решения теоретических вопросов по установлению такой ответственности в уголовном праве, явилось установление в принятом в 2017 году Уголовном кодексе Кыргызской Республики, главы 20, где такая ответственность представлена, как принудительные меры уголовно-правового воздействия.

Среди большого массива международных правовых актов по указанной теме можно выделить следующие: Конвенция ООН «Против транснациональной организованной преступности» от 15 ноября 2000 года, Конвенция ООН против коррупции от 31 октября 2003 года, Конвенция о борьбе с финансированием терроризма от 9 декабря 1999 года, Конвенция Шанхайской организации сотрудничества против терроризма, от 16 июня 2009 года, Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS №185, принятая в Будапешт, 23 ноября 2001 года и другие.

Как видим, институт уголовной ответственности юридических лиц, в настоящее время, является предметом регулирования многих международно-правовых актов. Рассмотрим последовательно их содержание. Так, Конвенция ООН «Против транснациональной организованной преступности» от 15 ноября 2000 года, ратифицированная Кыргызской Республикой Законом КР №74 от 15 апреля 2003 года (4), является одним из первых актов, где рассматривается ответственность юридических лиц. В ней установлен перечень общественно опасных деяний, подлежащих обязательной криминализации странами-участниками.

Следующим международным актом, регламентирующим уголовную ответственность юридических лиц, является Конвенция ООН против коррупции от 31 октября 2003 года, ратифицированная Кыргызской Республикой Законом КР №128 от 6 августа 2005 года (5). В ней определяется, что уголовная ответственность юридических лиц наступает за все преступления коррупционной направленности, предусмотренные Конвенцией, которые могут совершать юридические лица, кроме тех преступных деяний, где субъектами могут быть лишь только лица физические: незаконное обогащение, злоупотребление служебным положением, хищение в частном секторе.

Еще одним документом, ратифицированным Кыргызской Республикой Законом КР №79 от 15 апреля 2003 года (6), является Конвенция о борьбе с финансированием терроризма от 9 декабря 1999 года. В ст. 5 Конвенции предусмотрена обязанность государства-участника принять меры для того, чтобы можно было привлечь юридическое лицо, находящееся на его территории или учрежденное по его законам, к ответственности (уголовный, гражданский или административный) в случае совершения физическим лицом, ответственным за управление этим юридическим лицом, или контроль за ним, которое выступает в своем официальном качестве, преступления по финансированию терроризма (7).

Международно-правовым актом, регламентирующим ответственность юридических лиц, является также Конвенция Шанхайской организации сотрудничества против терроризма, от 16 июня 2009 года. В ней отмечается, что преступления, охватываемые настоящей Конвенцией, ни при каких обстоятельствах не могут быть оправданы, а физические и юридические лица, виновные в совершении таких деяний и (или) причастные к их совершению, должны быть привлечены к ответственности, которая может быть уголовной, гражданско-правовой или административной. Каждая Сторона принимает такие

меры, какие могут потребоваться для установления ответственности юридических лиц за случаи их причастности хотя бы к одному из преступлений, охватываемых настоящей Конвенцией. Данная Конвенция была ратифицирована Кыргызской Республикой Законом КР от 11 июля 2011 года №90 (8).

При этом необходимо отметить, что Шанхайская Конвенция определяет также, что в отношении юридических лиц, привлекаемых к ответственности за причастность к преступлениям, указанным в данном документе, применяются, в частности, такие меры, как предупреждение; штраф; конфискация имущества юридического лица; приостановление деятельности юридического лица; запрет на отдельные виды деятельности юридического лица; ликвидация юридического лица (9). Данная рекомендация была воплощена в нормативных положениях ст. 124-128 гл. 20 Уголовного кодекса КР 2017 года, под названием «Принудительные меры уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц» (10).

Таким образом, вышеизложенное исследование содержания указанных выше международно-правовых документов позволяет нам прийти к выводу, что уголовная ответственность юридических лиц получила широкую поддержку и закрепление на мировом уровне. Международными договорами определяются также виды преступлений, по которым юридическим лицам установлена уголовная ответственность, число которых достаточно велико. Эти преступления сгруппированы по сферам, которые регулируются соответствующими международными договорами:

- коррупционные преступления (ст. 8 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности; ст. 15-22 Конвенции ООН против коррупции, ст. 18 Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию; ст. 2 Конвенции по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок);

- отмыwanie доходов от преступлений (ст. 6 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, ст. 23 и ст. 24 Конвенции ООН против коррупции; ст. 18 Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию; ст. 9 и 10 Конвенции об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма; ст. 16-18 Конвенции Совета Европы против манипулирования спортивными соревнованиями);

- воспрепятствование осуществлению правосудия (ст. 23 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности; ст. 25 Конвенции ООН против коррупции);

- участие в организованной преступной группе (ст. 5 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности);

- террористические преступления, включая террористический акт; публичное подстрекательство к совершению террористического преступления, (публичные призывы к терроризму или публичное оправдание терроризма);

- вербовка террористов; подготовка террористов; участие в террористической организации; финансирование терроризма (ст. 5 Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма; ст. 5-7, 9, 10 Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма; ст. 9 и 10 Конвенции ШОС против терроризма);

- разработка, производство, накопление, приобретение или сбыт химического оружия (ст. VII Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении);

- экологические преступления, в том числе незаконные слив, выброс или выпуск веществ, представляющих угрозу окружающей среде, или ионизирующего излучения в воздух, почву или воду; незаконные вывоз, обращение, хранение, транспортировка, экспорт или импорт опасных отходов, способных привести к смерти или серьезному вреду здоровья человека или способных оказать вредное воздействие на атмосферный воздух, почву, воду, нанести серьезный вред жизни или здоровью животных или растений; незаконная деятельность производства, способного оказать вредное воздействие на атмосферный воздух, почву, воду, нанести серьезный вред жизни или здоровью человека, животных или растений; незаконные производство, обращение, хранение, транспортировка, экспорт или импорт ядерных веществ или других вредных радиоактивных веществ, могущие нанести серьезный вред здоровью человека или качеству воздуха, почвы, воды, животных или растений (ст. 2, 3 и 9 Конвенции о защите окружающей среды посредством уголовного законодательства); компьютерные преступления (преступления в сфере информационной безопасности),

Важным обстоятельством является также отражение в международных актах, положения, которое определяет, какие виды юридических лиц не могут являться субъектами уголовной ответственности (субъектами преступления). Так, в ст. 1 «Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию» разъясняется, что для целей этой Конвенции понятие «юридическое лицо» означает любое образование, имеющее таковой статус в силу применимого национального права, за исключением государств или других публичных органов, действующих в осуществление государственных полномочий, а также межправительственных организаций (11), что нашло закрепление в п. 1 ст. 123 Уголовного Кодекса КР 2017 года, где сказано, что: «Юридическими лицами не являются государство, органы государственной власти, муниципальной службы Кыргызской Республики, юридические лица, осуществляющие возложенные на них законом отдельные государственные полномочия, а также иностранные государства, органы государственной власти иностранного государства, иностранные государственные органы и юридические лица, осуществляющие отдельные государственные полномочия, международные организации и их представительства» (10).

В заключение отметим, что проведенный в данном исследовании содержательный анализ международно-правовых договоров, рекомендуемых установление уголовной ответственности юридических лиц в национальном законодательстве стран участниц, показывает, что многие положения этих актов нашли должное отражение в национальном уголовном законодательстве Кыргызской Республики, принятого в ходе уголовно-правовой реформы 2012-2019 годов, но в силу социально-политических обстоятельств утратили юридическую силу в настоящее время. Как было отмечено ранее, Генеральная прокуратура Кыргызской Республики, инициировавшая проекты, ныне действующих УК и УПК КР редакции октября 2021 года, объясняет это трудностью привлечения юридических лиц за преступления, совершенные их сотрудниками (12). Однако, государственным органам необходимо обратить внимание на то, что исключение института уголовной ответственности юридических лиц из законодательства КР, является невыполнением республикой своих международных обязательств, в частности рекомендаций в рамках Стамбульского плана действий по борьбе с коррупцией, и может повлечь включение Кыргызской Республики в «серый список» ФАТФ, международной организации — группы разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег, целью которой является борьба с отмыванием доходов, полученных преступным путем и с финансированием терроризма. Включение страны в «серый список» значит, что она находится под повышенным контролем организации. А это может привести к: репутационным рискам для бизнеса, тому, что частный сектор может

столкнуться с такими проблемами, как затруднения в деловых отношениях с партнерами, ограничению корреспондентских отношений с зарубежными финансовыми институтами, понижению позиций в международных рейтингах [2].

В связи с этим представляется справедливым утверждение профессора Л. В. Головки, что вопрос уголовной ответственности юридических лиц нельзя правильно решить, не преодолев на концептуальном уровне фундаментальное заблуждение постсоветской правовой доктрины, унаследованное от доктрины советской, - слишком узкое и формальное понимание уголовного права в целом и уголовной ответственности в частности. Западное правоведение уже несколько десятилетий исходит из того, что любая форма государственной репрессии независимо от своего наименования и правовой институционализации подпадает под понятие уголовно-правовой сферы или, что одно и то же, уголовного права в широком смысле [2].

Таким образом, перед юридическим сообществом Кыргызской Республики вновь встают вопросы дальнейшего усовершенствования уголовного права и коррекции законодательства. А коррекция кодексов, как было замечено, — это естественный процесс, который должен проводиться на постоянной основе, с учетом правоприменительной практики, чтобы найти самое лучшее звучание закона (13).

Источники:

(1). Джумашова Аида Новый Уголовный кодекс: какие статьи ужесточили, а какие гуманизировали. 22 ноября 2021, Бишкек. <https://kurl.ru/vxTOD>

(2). Анара Абдуллаева. Журналист информативности «Кабар». Новое уголовное законодательство Кыргызстана: откат назад или курс на результативность?. 12.08.2021 г. <https://kurl.ru/ENcpG>

(3). Улан Алымкул уулу Эшматов. Гуманизация, апробация, конфискация... Лейла Сыдыкова о новых кодексах. <https://rus.azattyk.org/a/>

(4). Конвенция ООН «Против транснациональной организованной преступности» от 15 ноября 2000 года. Ратифицировано Законом КР от 15 апреля 2003 года № 74. <https://kurl.ru/dYUsC>

(5). Конвенция ООН против коррупции, принятая 31 октября 2003 года. Законом КР от 6 августа 2005 года №128. <https://kurl.ru/hJbrW>

(6). Закон КР от 15 апреля 2003 года №79 «О присоединении Кыргызской Республики к Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма, принятой резолюцией 54/109 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1999 года». <https://kurl.ru/CNPEI>

(7). Международная Конвенция о борьбе с финансированием терроризма от 9 декабря 1999 года. Ратифицирована Законом КР от 15 апреля 2003 года № 79. <https://kurl.ru/Rnwla>

(8). Закон КР от 11 июля 2011 года №90 «О ратификации Конвенция Шанхайской организации сотрудничества против терроризма, подписанной 16 июня 2009 года в г. Екатеринбург. <https://kurl.ru/ECgpB>

(9). Конвенция Шанхайской организации сотрудничества против терроризма, от 16 июня 2009 года. Ратифицирована Законом Кыргызской Республики от 11 июля 2011 года № 90. <https://kurl.ru/wChDI>

(10). Уголовный кодекс Кыргызской Республики №19 от 1 февраля 2017 года. Утратил силу в соответствии с Законом КР от 28 октября 2021 года № 126. <https://kurl.ru/imEqJ>

(11). Конвенция ООН против коррупции, принятая 31 октября 2003 года. Законом КР от 6 августа 2005 года №128. <https://kurl.ru/PIYuk>

(12). Закон КР от 15 апреля 2003 года №79 «О присоединении Кыргызской Республики к Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма, принятой резолюцией 54/109 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1999 года». <https://kurl.ru/Dfmyx>

(13). Международная Конвенция о борьбе с финансированием терроризма от 9 декабря 1999 года. Ратифицирована Законом КР от 15 апреля 2003 года №79. <https://kurl.ru/Rnwla>

Список литературы:

1. Сулайманова Н. Н., Айдаралиева Ж. М. Правовая природа института пробации в Кыргызской Республике // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2020. Т. 20. №3. С. 136-140.

2. Головки Л. В. Законопроект об уголовном проступке: мнимые смыслы и реальная подоплека // Закон. 2018. №1. С. 128-136.

References:

1. Sulaimanova, N. N., & Aidaraliev, Zh. M. (2020). Pravovaya priroda instituta probatsii v Kyrgyzskoi Respublike. *Vestnik Kyrgyzsko-Rossiiskogo Slavyanskogo universiteta*, 20(3), 136-140. (in Russian).

2. Golovko, L. V. (2018). Zakonoproekt ob ugovnom prostupke: mnimye smysly i real'naya podopleka. *Zakon*, (1), 128-136. (in Russian).

*Работа поступила
в редакцию 20.03.2024 г.*

*Принята к публикации
27.03.2024 г.*

Ссылка для цитирования:

Салыбекова Т. С. Международно-правовые основы уголовной ответственности юридических лиц в законодательстве Кыргызской Республики // Бюллетень науки и практики. 2024. Т. 10. №4. С. 491-497. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/101/60>

Cite as (APA):

Salybekova, T. (2024). International legal Bases of Criminal Liability of Legal Entities in the Legislation of the Kyrgyz Republic. *Bulletin of Science and Practice*, 10(4), 491-497. (in Russian). <https://doi.org/10.33619/2414-2948/101/60>